

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P79

Серия «Жизнь как приключение»

Phoebe Rowe
SWAN LIGHT

Публикуется с разрешения Amazon Publishing, www.apub.com,
при содействии Литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского *Ольги Павловской*
Оформление обложки *Александра Воробьева*

Роу, Фиби.

P79 Маяк Свана: [роман] / Фиби Роу; — [перевод с английского Павловской О.]. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Жизнь как приключение).

ISBN 978-5-17-161987-9

1913. Старик по имени Сильвестр Сван посвятил свою жизнь уходу за маяком, который долгие годы приносил кораблям, терпящим бедствие, свет надежды. Но скоро он погаснет: на содержание Маяка Свана нет денег, и ближайший шторм сотрет его с лица земли. Никто не слышит зрителя, и он оказывается перед лицом бури в одиночестве. Кажется, спасения нет...

2014. Морской археолог Мари Адамс находит деньги для финансирования поисков печально известного парохода «Калифорниец», но для этого она должна поднять со дна останки Маяка Свана, который, по слухам, рухнул в море сто лет назад. Она объединяется с капитаном Джулианом Генри, и они обнаруживают совсем не то, что ожидали. К тому же их начинают преследовать охотники за сокровищами. Поиски правды о гибели маяка становятся опасными.

Когда прошлое и настоящее сталкиваются, тайны, похороненные на дне океана, начинают всплывать на поверхность. Сможет ли Мари найти ответы — и какой ценой?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-161987-9

© 2023 by Phoebe Rowe
© Павловская О., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Маме, моему маяку

СВАН

1913 год

Самое раннее воспоминание Сильвестра Свана было о том, как океан отнял у него одну вещь.

Впоследствии разум восстановил всё, что могло тому предшествовать: обычное унылое весеннее утро, очередное плавание на рыбацкой шхуне за покупками в Сент-Джонс, скользкий от соли причал, порт, полнившийся скрипом снастей, криками моряков и плеском волн, стылый воздух гавани с горьковатым привкусом льдов. Там был темный широкоплечий силуэт Томаса Свана, тащившего ворох рыболовных сетей через улицу, к воде, и худенький, проворный силуэт Нико Свана, подбиравшего края неводов, чтобы те не волочились по земле. И он был там, Сильви Сван, крошечный, едва поспевавший за ними обоими. Сильви шлепал ногами по лужам, останавливался погладить полосатых портовых кошек, подбирал просоленные обрывки газет, в которые заворачивали треску, и пробовал их на вкус языком. Где-то по дороге он, должно быть, и нашел тот камень. Камень был оранжевый, с золотистыми прожилками, идеально круглый, и Сильви, наверное, долго, присев на корточки, с благоговейным трепетом, не моргая рассматривал его в грязи, пока не услышал окрик: «Сильви! Ты сам домой поплывешь или как?» — и не бросился, схватив находку, догонять отца и брата.

Но событие, которое запомнилось ему, случилось чуть позже — когда он уже сидел на носу «Покорителя морей»,

держал камень на ладони над вскипавшими белой пеной волнами залива, и у него захватывало дыхание от яркого, блестящего пятна на фоне черных вод. От камня исходило столько света, что казалось, он не может утонуть. Поэтому Сильви стиснул этот восхитительно оранжевый шарик в кулаке, перевернул руку и — разжал пальцы.

Не было даже кругов на воде. Только пригоршня брызг взметнулась. Горланили чайки, молчали скалы, и «Покоритель морей» так быстро проскользнул мимо них в гавань, что Сильви не успел понять, где именно сгнуло его сокровище. Он так и сидел с пустыми руками, не находя слов для того, что сделал.

Те же воды постоянно, ощутимо присутствовали и в его более поздних, отчетливых воспоминаниях. Океан был за кухонным окном их ветхого домишки, когда мать ласково гладила Сильви по руке ладонью, испачканной ягодным соком. Он был рядом, когда на исходе летних дней Сильви вместе с Нико превращал водоросли в змеек, а прибрежные пещеры — в королевские дворцы. Но сейчас, когда он смотрел на океан с нависавшей над водой высокой скалы, ему на память пришел именно тот оранжевый шарик. Воспоминание о камне всегда возвращалось в такие дни, как этот, подернутые особой предштормовой дымкой. В дни, когда ветер еще свеж и слаб, птицы гомонят без умолку, а волны уже обретают беспокойный, жадный, голодный черный цвет.

Сильвестр Сван стоял на галерее маяка, опираясь ладонями о железные перила, смотрел на океан и думал о том, как оранжевый камешек выскользнул у него из руки восемьдесят лет назад.

Тяжелое октябрьское небо где-то спрятало солнце, которое он не видел с понедельника. Когда было совсем

пасмурно, Сван записал в вахтенном журнале: *НАДВИГАЕТСЯ ШТОРМ*. Вчера он добавил к этим словам просительный знак. А сегодня решил еще подождать, прежде чем оставить комментарий о погоде.

Собственно, здесь всегда надвигался какой-нибудь шторм, едва лишь печально известные сент-джонские зимы начинали подбираться по восточному побережью Ньюфаундленда к Норман-Клиффс — Нормановым скалам. Но в этот раз погода ощущалась как-то иначе: в воздухе витала угроза, и Свану было не по себе. Угроза звучала и в криках чаек, разлетавшихся по гнездам, и в грохоте волн далеко внизу, у него под ногами. По правую руку Свана, в Цветочной гавани, царила суета: рыбаки спешили отправиться на дневную ловлю и поскорее вернуться обратно, так что их суденышки едва ли не стучались мачтами у причалов. За гаванью мирно дремал на холме городок Норман-Клиффс: россыпь светлых домиков, обшитых вагонкой с пятнами от сажи из каминных труб, растянулась вдоль серого берега, испещренного черными точками плоскодонок, траченных непогодой, и рыболовных снастей. Слева от Свана местность была необжитой — нагромождение голых, истерзанных ветрами скал тянулось вдаль, насколько хватало глаз. А все остальное перед ним было океаном, бескрайним, пребывающим в вечном движении, рассеченным белопенной полосой там, где волны вскипали на подводной банке¹ — на отмели, что кривоватой дугой из песка, камней и рифов, словно рыболовным крюком, охватывала Норман-Клиффс-Бэй — залив Нормановых скал. Она затаилась,

¹ Подводная банка — отмель в океане, глубина на которой значительно меньше окружающих ее глубин.

наблюдала и ждала, как и все обитатели побережья в этот день.

Определенно надвигался шторм. И ничего поделаться с этим было нельзя — оставалось только ждать, когда он разразится.

Что-что, а такое положение дел в здешних краях никогда не менялось.

Сван отвернулся от океана и шагнул с галереи в теплый фонарный отсек маяка. Он протер все стекла — на дверной панели и в окнах, — добрался до самого верха, опираясь скрипучими коленями на скрипучие железные поручни. Начистил латунные детали и каждое из выпуклых увеличительных стекол составной маячной линзы. Надраил металлическое основание, на котором она стояла. Снял нагар с фитиля и вытер масляные брызги в резервуаре под ней. В помещении ярусом ниже, где находился часовой механизм, заставлявший линзу вращаться, Сван проверил все шестерни, затем привел в порядок свои инструменты. За работой он мурлыкал себе под нос, а башня ему подпевала — от белокаменных стен, железных балок потолка и покоробленного влажностью пола как будто разносились высокие ноты незнакомой мелодии.

Когда у него уже урчало в животе и нельзя было дольше тянуть время, откладывая выход из маячной башни, он наконец переключил свое внимание на банкира, который давно топтался внизу на клумбе с гиацинтами, посаженными женой Свана, и заглядывал в окно домика зрителя.

Справедливости ради надо сказать, что банкир Корт Роланд наверняка и не подозревал, что сейчас он находится не где-нибудь, а в саду. За пять лет, прошедших после смерти Грейс, от сада ничего не осталось — домик

смотрителя теперь окружала голая бурая площадка, несмотря на усилия, которые Сван время от времени прилагал, чтобы вернуть цветы к жизни. Некогда здесь повсюду розовели дикие гиацинты, их было так много, что скала сама превращалась в сигнальную цветовую башню, и это вдохновило жителей городка назвать свою гавань Цветочной — в честь гиацинтов, которые они обожали, но не могли запомнить столь замысловатое слово. Те цветы погибли много десятилетий назад, а потом жена Свана сумела вырастить новые на клочке каменистой почвы. С ее уходом из этого мира гиацинты исчезли со скалы окончательно.

И опять же справедливости ради надо отметить, что Сван сам позвал банкира в гости. Два дня назад это казалось хорошей идеей, и, охваченный энтузиазмом, он послал своего пса в город, засунув приглашение ему под ошейник. Однако теперь, всецело осознав перспективу беседы с Кортм лицом к лицу, Сван решил отыграть назад и, спускаясь по ступенькам маячной башни, обдумывал, как бы ему незаметно прошмыгнуть по лужайке между ней и домиком смотрителя. Маяк принялся тихо посмеиваться над ним, с присвистом и шипением, и от этого в узкий лестничный колодец сверху посыпалась сажа, так что Свану пришлось неодобрительно постучать по стене костяшками пальцев.

— Между прочим, я ради тебя стараюсь, — сказал он маяку. — Нечего тут хихикать.

У основания лестницы Сван остановился отдышаться в дверном проеме, все еще размышляя, успеет ли он добежать до черного хода в дом и запереться от банкира — тогда можно будет спокойно доесть остатки ягодного пирога, завалиться на кровать и мирно проспать до полу-

дня. Но Корт Роланд его уже заприметил, обернувшись, и расплылся в зубастой улыбке.

— Мистер Сван! — сказал Корт, без тени смущения отойдя от его окна, когда старик обреченно зашагал к крыльцу. — Рад видеть, что вы в столь ранний час уже на ногах — я думал, в такую ужасную погоду позволите себе поспать подольше. Сдается мне, надвигается шторм.

— Да, — согласился Сван со второй частью его заявления, слегка обидевшись на первую. Он открыл дверь и отступил в сторону, пропуская Корта Роланда в дом, а сам воспользовался этим, чтобы еще раз окинуть взглядом скалу.

Старый лабрадор Свана по кличке Стой развалился посреди двора. Судя по тому, под каким углом стоял экипаж Корта, его лошади пришлось обходить пса, чтобы попасть во двор. Сейчас она топталась, фыркая и перебирая копытами, слишком близко от головы неподвижно лежащего Стоя, но тот не обращал на нее внимания.

— Стой! — позвал Сван, и пес поднял голову, тихо гавкнув.

Он появился на скале тоже благодаря Грейс, которая придумала ему имя в их первую же встречу, когда грязный бродячий щенок бросился бежать за их повозкой, направлявшейся из города домой, на маяк. Он преследовал их настырно, как голодный медвежонок, не боясь попасть под колеса. «Пошел вон!» — бросил ему тогда Сван, и щенок, поймав его взгляд, плюхнулся задом в грязь. «Стой на месте», — добавил Сван, но при этих словах щенок вскочил и снова устремился за ними. «Он понял это как приглашение остаться с нами!» — засмеялась Грейс, дернув вожжи. Она слезла на дорогу, а щенок, не спуская с нее блестящих глаз, прилег на передние лапы

и неистово замахал задранным хвостом. «Стой!» — сказала ему Грейс, и он с разбегу запрыгнул к ней на руки. Имя осталось с псом, а пес — с ними.

Сейчас старый Стой поднялся и потрусил в дом, по пути одарив Корту коротким неприветливым «вуф». У кухонного стола он разлегся на полу, явив на обозрение сероватое пузо. Сван переступил через него, проходя в теплый домик зрителя, где было всего две комнаты. Угли весело потрескивали с тех пор, как он разжег очаг на рассвете. Ветер, ворвавшийся следом, качнул оранжевую занавеску, за которой стояла его кровать. Корт закрыл входную дверь и потер озябшие руки в перчатках.

Сван сделал глубокий вдох. Ужасная все-таки была идея пригласить сюда банкира. Теперь надо было поскорее со всем покончить.

— Спасибо, что пришли, — сухо сказал он. — Я хотел поговорить о маяке. Отправил в банк десяток писем, но ответа так и не получил...

— Не утруждайтесь, Сван, — взмахнул Корт одной рукой, а второй полез в сумку. — Я прочел ваши письма. — Он достал из сумки стопку бумаги — это были не письма, а какие-то бланки с логотипом «Банка Норманов» сверху, — затем еще одну, и еще.

Сван с тоской подумал о ягодном пироге и завтраке, который теперь откладывался на неопределенное время, но аппетит у него тотчас пропал, едва он увидел верхний документ в стопке Корта. Уверенной рукой черными чернилами поверх текста там было написано: «*Отказать*».

Сван шумно выдохнул, и башня отозвалась разочарованным эхом. Он устремил взгляд в кухонное окно — ему надо было увидеть ее надежный силуэт, почувствовать это успокаивающее присутствие, полю-

боваться, как отражается небо в стекле и металле фонарного отсека на самом верху, как поблескивает белый камень на фоне океана.

Год за годом океан подступал все ближе.

Когда-то от башни до обрыва надо было идти минут пять. Теперь это расстояние можно было преодолеть в полшага, и маяк слегка кренился к поджидающим его внизу волнам.

Свану не нравилось об этом думать. Если он думал об этом слишком часто или слишком напряженно, маячная башня как будто читала его мысли, и потом целыми днями камни жалобно скрежетали и стены обиженно постанывали, а ему не хотелось слышать в этих звуках предвестье конца. «Ты кого-то зовешь, старый друг?» — мысленно обращался к маяку Сван. У башни менялось настроение, как у всех людей, с ней можно было вести беседы, если уметь ее слушать. Поэтому Сван знал, что время еще есть. Знал, что башня предупредит его о начале конца. Но ведь катастрофы можно было бы избежать, если передвинуть маяк подальше от края скалы. Это было обычное дело — вдоль всего Атлантического океана маячные башни через каждые несколько десятков лет обвязывали канатами, поднимали на колесные платформы и отвозили на безопасное расстояние от волн, за которыми они присматривали.

Однако до сих пор в ответ на все запросы о перемещении маяка Корт Роланд, самый богатый и влиятельный человек в Норман-Клиффс, внук последней из Норманов, жившей в этом городе, лишь выражал сожаление. А теперь вот этот документ с клеймом «**Отказать**»...

— «Банк Норманов» сочувствует вашей беде, — сказал Корт Роланд, и Сван переключил внимание со скалы

.....

обратно на банкира. Тот на него не смотрел — голубые глаза шарили внимательным взглядом по комнате, ни на чем надолго не останавливаясь. — Поверьте, нам хотелось бы помочь. Но боюсь, столь внушительные затраты на перемещение Маяка Свана попросту не окупятся.

Все аргументы, тщательно заготовленные Сваном, рассыпались в прах.

— Это меньше трети от суммы расходов на содержание гавани, — все же проговорил он. — Оно ведь определено того стоит...

— Сожалею, — твердо отрезал Корт. Он по-прежнему не смотрел собеседнику в глаза, но теперь его взгляд замер на подоконнике, где Сван хранил письма от жены. Свану казалось, что от этих писем по-прежнему пахнет сент-джонскими утрами, и перед его мысленным взором при виде их возникал образ Грейс, сидящей за своим желтым письменным столом у окна в дождевых каплях.

Он уже начинал испытывать раздражение, но тут Корт наконец повернулся к нему:

— Как я сказал, это будет слишком крупное вложение, которое не принесет никакой выгоды.

«Оно принесет безопасность твоему городу, — хотел сказать Сван, — яркий свет берегу, путеводный огонь каждому идущему в твою гавань кораблю, чьи деньги и товары ты счастлив будешь заполучить». Но прежде чем он успел раскрыть рот, Корт продолжил:

— Однако, — сказал банкир, побарабанив пальцами по стопке документов, — я рассказал о вашей проблеме моей бабушке. Она тоже загорелась желанием вам помочь, как вы можете догадаться, учитывая, сколь много у нее связано с этим маяком. И у нее есть интересное предложение.

За окном снова заскрежетали камни маячной башни, на этот раз громче, угрожающе. Но Сван пропустил это мимо ушей, потому что голубые глаза Корта в тот самый момент превратились в глаза его бабки — прозрачные, яркие, блестящие на фоне темной скалы в маленькой бухте, — и он как будто снова услышал ее насмешливый голос: *«Я подумала, чаши тебе не нужны, если ты хотела отдать их Сильви...»*

Столько времени прошло... Какое Абигайл Норман теперь дело до маяка?

— Что за предложение? — осторожно спросил Сван.

— Бабушка рассказала мне о дарственной, которую она когда-то вручила Нико, вашему брату, — ответил Корт. — Если дарственная на законных основаниях вернется в банк, мы еще раз рассмотрим вопрос о выделении денег на перемещение маяка.

Дерзость Абигайл вызвала у Свана приступ гнева. *«...Она когда-то вручила Нико, вашему брату...»*

Сейчас Абигайл не заслуживала ничего из того, что принадлежало Нико.

Когда-то на этой самой скале, задолго до появления здесь маяка, их было пятеро — Сильви, Нико, Софи, Питер и Абигайл. Они лежали на спинах в густой траве; над ними сквозь листву сочился тягучими каплями меда солнечный свет; на коже блестели кристаллики ньюфаундлендской соли. Каждое лето пятеро детей наблюдали отсюда за птицами — крачками, моевками, кайрами, которые резвились на побережье; за китами, чьи упругие лоснящиеся спины, словно отлитые из черного каучука, лениво высывались над волнами. А каждую весну все пятеро приходили сюда смотреть на айсберги — белые плавающие льдины, такие огромные, что издалика каза-

лось, будто это целые корабли, медленно идущие под парусами из замерзшей столетия назад воды, в блаженном неведении, что приближаются к гибели, которую неминуемо принесет им теплое течение.

Сван сомневался, что Абигайл все еще помнит те времена.

— Значит, деньги на маяк она предлагает в качестве платы? — уточнил Сван. — И если я не отдам вам дарственную, вы мне не поможете? Корт, у меня нет ничего из вещей Нико. Мой брат умер почти семьдесят лет назад.

— Тогда, может быть... — задумчиво начал Корт, устремив глаза на маяк поверх плеча Свана. Жадные голубые глаза. В точности как у его бабки. — Может быть, я сам поищу?

Но Сван достаточно от него выслушал. Он снова подумал о пятерых ребятишках на скале, смотревших на птиц, на китов и на льдины. Уже тогда ошибки Абигайл дорого им обходились, даже если сами они не придавали тому значения. И никто из них не подозревал, что ее самая страшная ошибка приведет к строительству этого маяка.

Все, что сейчас нужно было Свану, — это позавтракать ягодным пирогом.

— Думаю, наш разговор окончен, мистер Роланд, — спокойно сказал он, так стремительно шагнув к двери, что Стой всполошился. — Спасибо, что потратили время, но ваше предложение меня не заинтересовало. А теперь вам стоит заняться своими делами, пока не поздно, потому что, как вы верно заметили, надвигается шторм.

МАРИ

2014 год

В шестидесяти одной с половиной мили¹ от южной оконечности Греции лазурно-синее Средиземное море лениво шлепало волнами о покрытые пятнами ржавчины борта научно-исследовательского судна «Меркурий». Вокруг корпуса корабля, от которого тянулся вниз дрожащий от натяжения кабель-трос, простиралась сверкающая зыбь, колыхалась и мерцала, размеченная позолоченной солнцем морской пеной, плавниками шустрых дельфинов и неспешно идущими вдалеке круизными лайнерами. Июньский бриз скакал по гребешкам легких волн, обдавая судно запахом водорослей.

Но ничего этого не видела Мари Адамс — она сидела в пурпурном полумраке лаборатории «Меркурия», сжимая в руках рычаг управления глубоководным роботом, который поднимался с морского дна.

— Тим! — бросила Мари в сторону открытого люка, не отрывая глаз от мониторов. Справа от нее стоял экран гидролокатора, и желтая полоса ползла по плотному сине-зеленому скоплению пятен. На экране слева колыхалась илистая тьма в четырех тысячах футов² у нее под ногами. — Механизм в порядке?

¹ Около 100 км (1 миля = 1,6 км).

² Около 1200 м (1 фут = 30,48 см).